

Лара Читай

ВТОРОЙ ШАНС

30 лет спустя

Лара Читай

Второй шанс. 30 лет спустя

«Литнет»

2026

Читай Л.

Второй шанс. 30 лет спустя / Л. Читай — «Литнет», 2026

Я еще не знаю, что этот полет разорвет мою жизнь на «до» и «после». Что тот самый мужчина, о котором я мечтала в детстве, войдет в мой мир как ураган, сметая все на своем пути. Что я изменю мужу (уже бывшему) и стану той, кого презирала. Что я буду рыдать на его плече, кусать его губы до крови и чувствовать себя живой — впервые за тридцать лет.

© Читай Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Девочка с бантом	9
Глава 2. Сломанная кукла	13
Глава 3. Железный человек	16
Глава 4. Столкновение. Терминал F	19
Глава 5. Отель. Ошибка номера	23
Глава 6. Ночной рейс	27
Глава 7. Первый поцелуй за 30 лет	31
Глава 8. Срыв	35
Глава 9. Примитивный инстинкт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ПРОЛОГ

Она

Я стою у огромного панорамного окна в зале ожидания бизнес-класса, и за моей спиной — весь мир. Точнее, его мутная, серая версия. За стеклом дождь хлещет по взлетной полосе такими густыми струями, будто небо решило выплакать все слезы, что я копила последние десять лет. Самолеты ползут по бетонке, тяжелые, набрякшие влагой, похожие на уставших железных зверей. В динамике женский голос с идеальной картавостью объявляет задержку рейса на два часа.

Два часа свободы. Или два часа пытки.

Я поправляю шарф на шее — кашемир, мягкий, дорогой, подарок мужа на прошлое восьмое марта. Тогда он еще дарил подарки. Сейчас он дарит только молчание и запах чужих духов, который въелся в подголовник его автомобиля. Я знаю этот запах. Молодой. Цветочно-при-торный. Тот самый, который выбрасывает тебя из колеи, когда ты просто хочешь открыть бардачок за забытыми солнцезащитными очками.

Мне сорок четыре. Я архитектор, и в моем портфолио — жилые комплексы, которые изменили силуэт моего города. Люди живут в домах, которые придумала я, спят в спальнях, где расчёт освещения делала моя рука. Я умею создавать красоту и уют для других. Для себя — нет. В моей собственной квартире — огромной, стерильной, как операционная — нет ни одной моей любимой картины на стенах. Только дизайнерский ремонт, за который я заплатила, чтобы заполнить пустоту.

Я устала. Господи, как же я устала.

Пальцы машинально теребят край пластикового стаканчика с остывшим американо. Горький, терпкий, абсолютно безвкусный. Как моя жизнь последние полгода. Я смотрю на свое отражение в темном стекле — размытый силуэт женщины, которая пытается выглядеть так, будто у нее все под контролем. Темные волосы с благородной сединой у висков, которую я тщательно закрашиваю, но пряди все равно выбиваются непослушными локонами. Глаза — серые, с зеленым отливом, те самые, что когда-то считались "ведьмиными". Мальчишки в школе дразнили, а мама говорила: "Диночка, в твоих глазах целое море".

Сейчас в этом море — шторм, который никто не видит.

Я сжимаю телефон, экран залит светом. Сообщение от мужа. Максим. Он всегда пишет сухо, по делу, даже когда речь идет о крушении пятнадцати лет брака.

"Дина, я завтра заеду за вещами. Надеюсь, ты не против. Мы могли бы поговорить как взрослые люди. Без истерик. Мне бы не хотелось делить бизнес через суд".

Без истерик. Он просит меня не истерить. Он, который два года трахал свою двадцатипятилетнюю ассистентку в своем же кабинете, пока я проектировала их детскую спальню (мы планировали ребенка, но не срослось). Он просит меня быть взрослой.

Мои пальцы сжимаются так, что костяшки белеют. Я не плачу. Я разучилась плакать по-настоящему. Есть только эта сухая, выматывающая боль в груди, которая не выходит наружу слезами. Она просто сидит там, под ребрами, сворачивается калачиком и ждет, когда я сломаюсь.

"Хорошо, Максим. Вещи соберу. Ключи оставлю у консьержа", — печатаю я. И добавляю, уже с какой-то злой издевкой над собой: "Приятного полета".

Смешно. Я лечу в командировку в Париж — город любви. Иронично, да? Архитектурный форум, куда меня послали, чтобы отвлечься. Коллеги шепчутся за моей спиной: "Бедная Дина, муж бросил, вон, уезжает из города". Они не знают, что на самом деле я сбегая. Я сбегая от их жалостливых взглядов, от запаха чужих духов в машине, от пустоты в огромной постели, где я перестала просыпаться по ночам в холодном поту, проверяя, рядом ли Максим.

Он давно был не рядом.

Я поднимаю голову и замечаю, как в витрине дорогого бутика отражается мужской силуэт. Высокий. Широкие плечи, которые даже под пиджаком выглядят мощно, атлетично. Седые виски, аккуратная короткая стрижка. Он стоит в трех метрах от меня, говорит по телефону, резко, с металлом в голосе. Срывается на крик, но сдерживается, прикрывая микрофон ладонью.

Я отворачиваюсь. Мужчины в моей жизни перестали быть объектами интереса. Я уже не смотрю на них. Я смотрю сквозь.

Но что-то заставляет меня обернуться снова.

Он делает шаг вперед, к стойке регистрации, и на секунду его лицо попадает в полосу света. Я вижу жесткие скулы, четкую линию челюсти, хмурые брови, сросшиеся на переносице. И этот взгляд — тяжелый, оценивающий, хищный. Взгляд человека, который привык брать свое.

Я застываю.

Сердце делает кульбит. Такой глупый, подростковый кульбит, от которого у меня перехватывает дыхание. Я даже смеюсь мысленно над собой: "Дина, тебе сорок четыре, не смей". Но смех застревает в горле, потому что в следующую секунду он поворачивается.

И наши взгляды встречаются.

Тридцать лет. Тридцать грёбанных лет я не видела эти глаза. Серые, стальные, с желтыми искрами в глубине. Глаза, которые я рисовала в своем дневнике в четырнадцать лет, обводя их сердечками и подписывая: "К. — мой принц".

Константин.

Мое детство. Моя самая глупая и самая сладкая мечта. Друг моего старшего брата. Тот, кто называл меня "малявкой" и трепал по голове, когда я, краснея до корней волос, протягивала ему чай. Тот, кто купался голым по пояс в речке, и я, проклятая дурочка, подглядывала за ним из кустов малины, закусывая губу до крови.

Ему тогда было двадцать девять. Мне — четырнадцать. Он был богом. Грубым, небрежным, пахнущим табаком и мужским потом. Он не видел во мне женщину. Для него я была "сестренкой", мелкой, нелепой девчонкой с косичками.

Я выросла. Я похоронила ту влюбленность, завернула ее в тряпку и засунула глубоко в шкаф, на самую дальнюю полку. Я вышла замуж. Я стала серьезным архитектором, холодной и неприступной.

Но сейчас, когда он смотрит на меня в упор, я снова чувствую себя той четырнадцатилетней дурой. Щеки начинают гореть. Черт. Я же не краснею с пятнадцати лет. Это невыносимо.

Он опускает телефон. Его лицо сначала выражает недоумение — он пытается вычислить меня в архивах своей памяти. И я вижу тот самый момент, когда в его мозгу щелкает. Он узнает меня. Его брови удивленно приподнимаются, и — о, Господи — на его губах появляется знакомая хищная усмешка.

Та самая. От которой у меня тогда, в четырнадцать, коленки тряслись.

Он делает шаг ко мне. Длинный, уверенный. Его ботинки гулко стучат по мраморному полу.

— Не может быть, — произносит он голосом, который стал глубже, бархатистее. От этого голоса у меня внутри все переворачивается. — Дина? Диночка... малявка?

Он помнит это прозвище.

Я открываю рот, чтобы ответить, чтобы сказать что-то острое, колкое, взрослое. Но вместо этого выдыхаю:

— Костя...

Мой голос срывается. Я ненавижу себя. Мне сорок четыре, у меня развод, у меня разрушенная жизнь, и я стою, как идиотка, и смотрю на мужчину, который когда-то разбил мне сердце, даже не заметив этого.

Он подходит ближе. В нем все тот же запах — лишь немного другой, более дорогой, с нотами дерева и кожи, но под ним все еще угадывается та первобытная мужская терпкость. От него веет силой. От его плеч, от его рук, от того, как он смотрит на меня.

— Ты изменилась, — говорит он, и его взгляд скользит по моему телу, оценивающе, по-мужски. Я вижу, что он замечает все — линию шеи, глубокий вырез блузки, бедра, обтянутые тканью брюк.

Он замечает меня. Как женщину.

Тридцать лет спустя.

— Ты тоже не стоишь на месте, — отвечаю я, наконец обретая голос, и мои губы кривятся в ироничной усмешке.

Он смеется. Громко, раскатисто. Этот смех эхом отдается у меня в груди, отзываясь где-то внизу живота запретным, почти неприличным теплом.

— Как твой брат? — спрашивает он. — Сашка где сейчас?

— В Майами. Живет припеваючи. С женой-американкой.

— Хорошо, — кивает он. И вдруг замолкает. Просто смотрит на меня. Взгляд становится серьезным, острым. Он видит слишком много. — А у тебя глаза... грустные. Что случилось, Дина?

Я хочу сказать: "Ничего. Все замечательно. У меня прекрасный муж, замечательная работа, я счастлива". Но слова застревают в горле.

Потому что я не умею врать этому взгляду. Я не умела в четырнадцать, не умею сейчас. В динамике аэропорта объявляют посадку на наш рейс. Тот самый, с задержкой.

Мы смотрим друг на друга. Секунда. Другая.

И я понимаю, что это не случайность. Это какой-то жесткий, глумливый поворот судьбы.

Над нами — серое, свинцовое небо. Внутри меня — выжженная пустота. И вдруг в этой пустоте, как сорняк, пробивается нечто острое, живое.

Желание. Гремучая смесь из воспоминаний, боли и этого безумного, дикого влечения.

Я влюбилась в него, когда мне было четырнадцать. Я возненавидела его за то, что он не заметил.

А теперь он стоит передо мной, и мне кажется, что все эти тридцать лет были просто глупым промедлением.

— Нам туда же, — говорит он, кивая на выход к самолету. — Места, кстати, рядом. Ты не против?

Я не против.

Я боюсь до дрожи.

Но я киваю.

— Конечно, Костя. Садись рядом.

Я еще не знаю, что этот полет разорвет мою жизнь на "до" и "после". Что тот самый мужчина, о котором я мечтала в детстве, войдет в мой мир как ураган, сметая все на своем пути. Что я изменю мужу (уже бывшему) и стану той, кого презирала. Что я буду рыдать на его плече, кусать его губы до крови и чувствовать себя живой — впервые за тридцать лет.

Я еще не знаю, что моя самая большая ошибка и моя самая большая мечта — это одно и то же лицо.

Но он стоит рядом, берет мой чемодан, и я слышу его голос:

— Ты точно выросла, малявка.

И я улыбаюсь.

Впервые за долгие-долгие месяцы. Настоящей, разбивающей лицо улыбкой.

Впереди — два часа полета.
И целая вечность.

Глава 1. Девочка с бантом

30 лет назад. Дача. Июль. Жара.

Я помню этот день по запаху. Лето пахло малиной, нагретой сосновой смолой и бензином от старой «Волги», которую отец никак не мог починить. И еще — мужским потом. Тем самым, горьковато-соленым, который кружил голову и делал всё внутри меня липким и горячим.

Мне было четырнадцать. Четырнадцать — это проклятый возраст, когда ты уже не ребенок, но для всех еще ребенок. У тебя ломается голос внутри, хотя снаружи ты молчишь. У тебя начинают расти груди, и ты ненавидишь свои дурацкие майки, потому что под ними всё слишком заметно. Или недостаточно заметно. Ты смотришь в зеркало и не понимаешь, кто ты — девочка, которая играет в куклы, или женщина, которая хочет, чтобы на нее смотрели.

Я смотрела на него. Всегда. С того самого утра, когда он впервые появился на нашей даче.

— Дина, будь человеком, принеси чай! — крикнул из дома брат. Сашка. Ему тогда было двадцать пять, он был студентом, крутым, самоуверенным, и его друзья всегда казались мне великанами — шумными, пахнущими табаком и свободой.

Я не любила приносить чай. Я ненавидела, когда меня посылали. Но в то утро — 15 июля, я запомнила дату навечно — я выскочила из своей комнаты так быстро, что споткнулась о порог, потому что услышала новый голос. Глубокий. С хрипотцой. Смеющийся.

Я выглянула в окно кухни, занавеска в горошек, и увидела его. Он стоял на крыльце, разговаривая с Сашкой. Выше брата на голову, плечи — как вешалка, руки, мощные, загорелые, с выступающими венами. Он был в простой белой футболке, и ткань так плотно облегла его грудь, что я видела каждую линию мышц.

У меня перехватило дыхание.

Я никогда раньше не видела таких мужчин. Папа был сутулым, добрым, с пивным животом. Одноклассники — прыщавыми, неуклюжими, с противными ломающимися голосами. А этот был... другим. Он был как статуя, только живая. И очень опасная.

— Теть Зин, чайку бы, а? — сказал он моей маме, и она, моя строгая мама, вдруг засуетилась, заулыбалась, как девчонка. Я никогда не видела маму такой.

Он обернулся, и наши глаза встретились. Я стояла у окна, дура, с разинутым ртом, а он смотрел на меня. Одна секунда. Другая.

— О, а это кто? — спросил он, улыбаясь. Улыбка у него была кривая, дерзкая, с ямочкой на щеке. — Саша, у тебя сестра? Я думал, ты один у родителей.

— Динка, — буркнул брат. — Мелкая. Ходит за нами хвостиком.

— Не мелкая, — вдруг выпалила я. — Мне уже четырнадцать.

Он засмеялся. Громко, раскатисто. Этот смех ударил мне прямо в солнечное сплетение.

— Четырнадцать, — протянул он. — Ну, считай, взрослая. Как звать-то?

— Дина, — прошептала я.

— А я Костя. Константин. Можно просто Кос.

Кос. Какое странное имя. Я повторила его про себя раз сто, пока наливала чай в кружки. Кос. Костя. Константин. Это звучало как музыка — низкая, басовая, запретная.

Весь день я вертелась под ногами. Я приносила им лед для лимонада, я вытирала стол на террасе, я включала магнитофон, чтобы они танцевали, хотя никто не танцевал. Я просто искала любой повод быть рядом с ним.

Сашка злился:

— Дин, отстань! Мы тут взрослые разговоры разговариваем.

Но Костя смотрел на меня и улыбался. Он не прогонял меня. Однажды, когда я споткнулась о корень дерева и чуть не упала, он подхватил меня за локоть.

— Осторожно, малявка, — сказал он.

Малявка.

Он назвал меня малявкой.

Внутри всё сжалось от обиды. Я не малявка! У меня уже есть грудь, я уже крашу ресницы маминой тушью, я уже читаю женские романы, где героини страдают от любви. Но он гладил меня по голове, как щенка, и в его глазах не было ничего, кроме дружелюбного равнодушия.

— Дай я сама, — буркнула я и вырвала у него локоть.

Он удивился, но ничего не сказал.

А потом они пошли купаться.

Я слышала, как они смеются, спускаясь к реке. Наша река была мелкой, с песчаным дном, с кустами малины на берегу. Я знала каждый камешек, каждую корягу. Я нырнула в эти кусты малины и затаилась, как партизанка.

Сердце колотилось так, что я боялась, что они услышат.

Они раздевались. Сашка первым скинул футболку, потом Костя. Я видела его спину — широкую, загорелую, с лопатками, которые двигались под кожей. Он повернулся, и я увидела его грудь. О, Господи. Мускулы перекачивались под кожей, твердые, рельефные. От пупка вниз уходила полоска темных волос, и я почувствовала, что краснею — до корней волос, до кончиков пальцев.

Это было неприлично. Это было неправильно. Я должна была отвернуться.

Я не отвернулась.

Я смотрела, как он заходит в воду, как капли стекают по его плечам, как он запрокидывает голову и смеется, обливая брата водой. Он был красив так, что у меня кружилась голова. У меня подгибались коленки, и я вцепилась в ветку малины, чтобы не упасть. Шип впился в палец, но я не чувствовала боли.

— Динка, выходи, уже все равно видно! — крикнул вдруг Сашка.

Я подпрыгнула на месте. Они знали. Они всё знали.

Я вылезла из кустов, дрожа от стыда и злости. Мое платье в цветочек было измято, в волосах застряли сухие листья. Костя смотрел на меня с берега, щурясь от солнца.

— Подглядываешь, малявка? — спросил он. Без злобы. Смеясь.

— Не подглядываю! — заорала я. — Я просто... я просто ягоды собирала!

Мой голос сорвался на писк. Это было унижительно. Он стоял передо мной мокрый, блестящий, такой огромный, а я стояла и дрожала, как осиновый лист.

— Ага, ягоды, — усмехнулся он. — Иди лучше домой, Дин. Здесь комары кусаются.

Это была шутка. Он не хотел меня обидеть. Но я чувствовала себя маленькой, глупой, ничтожной.

Я развернулась и побежала.

Вечером я сидела в своей комнате. За окном зажигались огни, пахло дымом от костра и жареным мясом. Они жарили шашлык внизу, смеялись, играли в карты. Я слышала голос Кости — низкий, раскатистый. Он рассказывал какую-то историю, и все ржали.

Я сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на свое отражение в маленьком круглом зеркале. Блеклые волосы, собранные в хвост. Веснушки на носу. Большие глаза, которые вечно казались испуганными. Я была некрасивой. Я была просто "малявкой", придатком к старшему брату.

В груди разрасталась тоска — липкая, тягучая, как варенье, которое мама варила из нашей малины. Я хотела, чтобы он меня заметил. Не как сестру Сашки. Как девушку. Как женщину.

Я достала из-под подушки дневник. Старый, потрепанный, с замочком, который давно сломался. Красный кожаный переплет, подарок бабушки. Я открыла чистую страницу и взяла ручку.

«15 июля. Сегодня я влюбилась».

Я зачеркнула это.

«Сегодня я впервые увидела Костю. Его зовут Константин. Он друг Сашки. Он очень красивый. У него плечи, как у атлета, и глаза смеются, даже когда он серьезный. Он назвал меня "малявкой". Я ненавижу это слово. Я не малявка. Я вырасту, я стану красивой, и он увидит меня. Он обязательно увидит.

Я буду ждать. Сколько нужно. Я буду ждать».

Я перечитала написанное, и слезы навернулись на глаза. Глупо. Как глупо. Что я несу? Какое "ждать"? Я просто ребенок, а он взрослый мужчина. Ему двадцать девять. У него есть девушка в городе, я слышала. Блондинка с длинными ногами. Я видела ее на фото в телефоне брата.

Я взяла цветную ручку — красную, самую яркую. И начала рисовать вокруг его имени венки из цветов. Я выводила буквы «К.О.Н.С.Т.А.Н.Т.И.Н.» аккуратно, как иероглифы. Каждую букву обводила листиками и розами. Я представляла, что я — принцесса, а он — рыцарь. Что он приходит ко мне ночью под окно. Что он берет меня за руку.

Дневник впитывал мои мечты, как губка. Я зарисовала всю страницу цветами, пока имя почти не исчезло в красных и зеленых завитушках. Но я знала, что оно там, под ними. Его имя было вписано в меня. В каждую клеточку моего тела.

Я закрыла дневник и спрятала его под подушку. За окном всё еще смеялись. Костя что-то рассказывал, жестикулируя. Тени от костра танцевали на стенах моей комнаты.

Я легла, закрыла глаза и представила его лицо. Его руки. Его губы.

Я коснулась собственных губ пальцами. Представила, что это он.

Никто не знал. Никто не мог знать. Мама бы убила меня. Сашка бы поднял на смех.

Я буду молчать. Я буду носить это в себе — горячо, больно, сладко.

Я вырасту. Я стану взрослой и когда-нибудь он на меня посмотрит. Не как на "малявку".

Я знала это.

Я знала это с такой болезненной уверенностью, что сердце разрывалось на части.

Снизу донесся его голос:

— Сладкая, дай ещё мяса! А где мелкая? Динка! Иди, поешь с нами!

Я не ответила. Я лежала в темноте, глядя в потолок, и слезы текли по вискам в подушку.

Он позвал меня. Просто чтобы поесть.

Я ненавидела его за эту простоту.

И я любила его за неё же.

Я зажмурилась и прошептала в темноту:

— Я вырасту. Ты еще увидишь. Ты пожалеешь, что назвал меня малявкой.

Там, в моей детской глупости, я еще не знала, что пройдет тридцать лет. Что я стану красивой, да. Что я выйду замуж. Что у меня будет карьера. Что мое сердце разобьют трижды.

И что однажды он действительно посмотрит на меня — как на женщину.

Но к тому моменту будет поздно.

Или слишком рано.

Глупая, глупая девочка с бантом. Если бы ты знала, сколько боли принесет тебе эта мечта.

Внизу заиграла музыка. Кто-то включил магнитофон. Старая песня, какой-то шансон о любви. Костя запел — низко, чуть фальшивя. Я слышала каждое слово.

Я зарылась лицом в подушку, чтобы не слышать.

Но слышала.

Я слышала его и во сне.

Дорогие читатели!

С огромным волнением предлагаю на ваш суд мою новинку

"ВТОРОЙ ШАНС. 30 ЛЕТ СПУСТЯ"

Чтобы не пропустить новинки:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,
- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить продолжение,
- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Также вас ждут и другие мои произведения:

Попутчики. В поисках счастья

<https://litnet.com/shrt/mxbs>

Предательство по Уставу

<https://litnet.com/shrt/XuZf>

Бывшие. Всё начинается с любви

<https://litnet.com/shrt/zWvn>

Поцелуй чужими губами

<https://litnet.com/shrt/gcYG>

Альфонс и его дамы

<https://litnet.com/shrt/OTi6>

Неверный. Семья, которой НЕТ

<https://litnet.com/shrt/4ESk>

Бархатная ловушка

<https://litnet.com/shrt/qRQH>

Развод на троих

https://litnet.com/shrt/qF_0

Дневник обманутой жены

<https://litnet.com/shrt/B8yJ>

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 2. Сломанная кукла

Настоящее время. Дина, 44 года.

Я просыпаюсь в шесть утра, как по будильнику, хотя будильник не звонил. Просто открываю глаза и смотрю в белый потолок. Белый, стерильный, идеально ровный — я сама проектировала эту спальню, когда мы переехали три года назад. Мы. Как громко сказано. Сейчас в этой кровати только я, одна, на своей половине, как отрезанный ломоть. Вторая половина — смятая, но холодная. Максим не ночевал дома. Опять.

Я не проверяю телефон. Я знаю, что там будет сообщение: "Прости, задержался на работе". Или просто пустота. Пустота лучше, потому что тогда можно делать вид, что ты не знаешь, у кого он задержался. У этой. У той, которой двадцать пять, и которая носит короткие юбки и пахнет клубникой, потому что для неё жизнь — это запах клубники, а для меня — запах остывшего кофе и усталости.

Я встаю. Ноги сами несут меня в ванную. Зеркало в полный рост — моя гордость, моя работа. Я выбирала его в Италии, везла в багаже, как дура, платила за перевес. И теперь каждый день я смотрю на себя в это зеркало и пытаюсь понять, где я сломалась.

Мне сорок четыре. Мои волосы, тёмные, с благородным каштановым отливом, всё ещё густые, хотя седина у висков пробивается всё настойчивее. Я крашу их раз в три недели у лучшего мастера в городе, но иногда, когда вылезает новый седой волосок, я чувствую, как время оставляет на мне свои чёрные метки. Моё лицо — тонкая кожа, высокие скулы, глаза, которые мужчины когда-то называли "колдовскими". Сейчас они просто "красивые". Только когда смотришь в них, видно, что внутри — пустота. Как в заброшенном доме, где когда-то горел свет.

Моё тело — я работаю над ним. Три раза в неделю пилатес, бассейн, правильное питание. Я выгляжу на тридцать пять. Я знаю это. Мне говорят это коллеги, подруги, даже случайные мужчины в кафе. Я выгляжу великолепно. Я выгляжу как кукла — идеальная, накрашенная, ухоженная.

Но внутри я сломана.

Максим перестал касаться меня полгода назад. Сначала исчезли поцелуи, потом объятия, потом просто — присутствие. Он стал чужим в нашем доме, вежливым, учтивым, как гость. Он говорил со мной про погоду, про работу, про планы на отпуск — мы собирались в Италию, я уже забронировала отель. Теперь я понимаю, что он собирался в Италию не со мной.

Я узнала случайно. Как все женщины — через чужой аккаунт в соцсетях. У меня есть привычка, дурацкая, глупая, пролистывать ленту перед сном. Я наткнулась на фотографию: она, её руки, её ногти с ярко-розовым маникюром, держат бокал с просекко, а на заднем плане — его пальто. Его дорогое кашемировое пальто, которое я подарила ему на прошлый Новый год. Они были в ресторане, где мы отмечали нашу годовщину.

Я закрыла телефон и не спала три дня. Я не плакала. Я просто лежала и смотрела в потолок. Потом я начала пить успокоительное. Потом я перестала.

Теперь я просто живу по инерции.

Сейчас, стоя перед зеркалом, я наношу консилер, чтобы скрыть синяки под глазами. Мои руки двигаются привычно, как у робота. Тональный крем, пудра, тени, тушь. Красивая маска для красивой женщины, которая летит в командировку, потому что ей больше нечем заполнить свою жизнь.

Вчера шеф сказал мне:

— Дина, поезжай в Париж. Там форум по экологичной архитектуре. Ты лучшая, тебя ждут.

Я хотела отказаться. У меня нет сил на самолёты, на встречи, на улыбки. Но я посмотрела на его лицо, доброе, немного заботливое, и поняла, что он просто пытается меня спасти. Он знает. Все знают. Весь офис знает, что у Максима молодая любовница, а я — стареющая жена, которая цепляется за остатки достоинства.

Я согласилась. Лучше Париж, чем эта кровать. Лучше гостиничные простыни, пахнущие чужим порошком, чем наша постель, где я чувствую запах её духов на его подушке.

Я беру чемодан. Красный, с золотыми замками. Я купила его в прошлом году, когда мы ещё были "мы". Теперь это просто чемодан.

Я спускаюсь вниз, прохожу мимо нашей кухни. На столе — записка от Максима. Он всё-таки пришёл ночью, пока я спала, или утром, пока я была в душе.

"Дина, я заеду через неделю за вещами. Мне очень жаль. Ты хорошая. Ты заслуживаешь лучшего. Прости."

Хорошая. Я заслуживаю лучшего. Как будто это комплимент. Как будто он говорит мне, что я — идеальный образец сломанной куклы, которую пора выбросить.

Я сжимаю бумагу в руке, и она мнётся. Комкается. Я хочу разорвать её, но вместо этого кладу обратно на стол. Аккуратно. Почти с благоговением. Я не могу злиться. Где-то внутри меня выключили эту функцию. Я просто устала.

Я выхожу из дома, сажусь в такси. Дождь. Город серый, мокрый, как моё настроение. Я смотрю в окно на проплывающие улицы, на людей, которые куда-то спешат, и чувствую себя призраком. Я есть, но меня нет. Я вижу мир, но мир меня не видит.

В аэропорту — суета. Очереди, суматоха, детский плач, объявления. Голос в динамике — женский, с приятной картавостью — объявляет задержку рейса. Я вздыхаю. Два часа в этом аду. Я иду в бизнес-зал, потому что могу себе это позволить. Моя карта — платиновая, дорогая, премиальная. Плата за мои нервные клетки.

Я заказываю американо. Остывший. Горький. Я пью его, и он такой же безвкусный, как моя жизнь.

Я смотрю в телефон. Социальные сети. Её страница. Открытая, наглая, полная селфи и цитат про любовь. Она выкладывает фотографию своих ног в новых туфлях — красные, с острыми носами. Подпись: "Он сказал, что я самая красивая. И это не лесть, а факт".

Я захлопываю приложение. Мои пальцы дрожат.

Я не ревную. Честно. Я уже перегорела. Я смотрю на это и чувствую только пустоту. Глухую, звенящую, как в ушах после оглушительного взрыва. Я не хочу его возвращать. Я хочу, чтобы всё это кончилось. Но как это "всё" кончится, если у меня больше ничего нет? Ни любви, ни надежды, ни даже злости, которая могла бы меня разбудить.

Я поднимаю голову и смотрю на витрины магазинов. Дорогой бутик. Мужской, отутюженный, пахнущий деньгами. И в этом отражении я вижу его.

Мужчина. Высокий, седина на висках. Широкие плечи, дорогой костюм, который сидит как влитой. Говорит по телефону, резко, с металлом в голосе. Его лицо — жесткое, с мощной челюстью, хмурыми бровями. Он выглядит как человек, который привык командовать, брать, иметь.

Я смотрю на него без интереса. Просто ещё один успешный мужчина в аэропорту. Их тут тысячи. Они все одинаковые — занятые, нервные, с деньгами и проблемами.

Но что-то заставляет меня обернуться снова.

И в этот момент он поворачивается.

Я смотрю в его глаза. Серые. Стальные. С жёлтыми искрами, которые я помню до сих пор, хотя прошло тридцать лет. Тридцать лет, Карл! Откуда это внутри меня — этот толчок, этот удар под дых?

Я застываю. Моя чашка с кофе застывает на полпути к губам.

Я узнаю его.

Я бы узнала этот взгляд где угодно. Через тысячу лет. После тысячи мужчин. Это он. Константин. Человек, который сломал меня, даже не прикоснувшись. Человек, который был моей первой любовью и моей первой болью. Человек, который смотрел на меня тогда, в далёком детстве, как на пустое место.

И теперь он смотрит на меня. И я вижу — он меня узнаёт. Его лицо меняется. Сначала недоверие, потом удивление, потом — что-то тёплое, почти нежное, что заставляет моё сердце, которое я считала мёртвым, пропустить удар.

Он опускает телефон. Его глаза скользят по мне. По моей шее, по плечам, по тому, как я сижу. Я вижу мужскую оценку. Я — красивая женщина для него. Я не "малявка".

Он идёт ко мне.

— Не может быть, — говорит он, и его голос — низкий, бархатистый, с хрипотцой — врезается в меня, как нож в масло. — Дина? Диночка... малявка?

Я открываю рот, чтобы ответить. Хочу сказать: "Здравствуй, Костя. Как жизнь?" Или что-то острое, колкое, в моём духе. Но вместо этого я выдыхаю:

— Костя...

Мой голос срывается. Я краснею. Сорок четыре года, мать твою, я краснею, как та дура в малиновых кустах.

Внутри меня, в той самой пустоте, что я носила как крест, вдруг вспыхивает искра. Маленькая, опасная, неправильная.

Он стоит передо мной, и я чувствую запах его одеколона — дорогой, древесный, с нотками кожи. Это не тот запах, что тридцать лет назад, но под ним — я чувствую, я знаю — та же самая мужская терпкость, от которой у меня подкашиваются ноги.

Я — сломанная кукла, которую выбросили на помойку.

Но почему я вдруг хочу, чтобы он меня починил?

Или сломал окончательно?

Я не знаю ответа. Я только смотрю на него и молчу.

А он улыбается той же кривой усмешкой, что и тогда, в далёком четырнадцатом лете.

— Ты изменилась, — говорит он. — Сильно. Ты не малявка.

— Я знаю, — отвечаю я, и в моём голосе появляется сталь. — Я выросла, Костя. Ты опоздал на тридцать лет.

Мы смотрим друг на друга. Между нами — целая вечность разбитых жизней, чужих постелей, невысказанных фраз. Дождь за окном барабанит по стеклу. Где-то объявляют посадку.

Но я никуда не хочу улетать.

Глава 3. Железный человек

Константин, 59 лет. Настоящее время.

Я ненавижу аэропорты. Ненавижу эту стерильную суету, эти очереди, этих людей, которые бегут, как будто от этого зависит их жизнь. Ничто не зависит. Ничто уже давно ни от кого не зависит. Я знаю это лучше всех.

Мне пятьдесят девять. Через год — шестьдесят. Я смотрю на это число и не верю. Внутри мне всё ещё тридцать, а то и двадцать пять. Я встаю в пять утра, бегаю десять километров, жму лёжа сто пятьдесят килограммов. Моё тело — моя гордость, моё оружие, моя защита. Я могу обвести вокруг пальца любого тридцатилетнего мальчишку. Мой пресс — кубиками, плечи — как лопаты. Я владею сетью фитнес-клубов по всей стране, я знаю о железе больше, чем любой тренер в моей сфере. Я железный человек. Так меня называют. Так я сам себя называю.

Но железо ржавеет. Я чувствую это по утрам, когда просыпаюсь и суставы ноют. Я чувствую это по ночам, когда не могу уснуть, потому что в голове — только долги, кредиты, невыполненные обязательства. Я чувствую это, когда смотрю на себя в зеркало и вижу, как седина на висках становится всё глубже, а морщины вокруг глаз — всё отчетливее.

Я не боюсь старости. Я боюсь нищеты. Я боюсь проиграть.

Мой бизнес сыпется. Три года я пытался спасти то, что строил двадцать лет. И всё из-за одного ублюдка — моего бывшего партнёра, Вадима. Мы вместе открывали первый клуб в девяносто восьмом, когда страна лежала в руинах, и мы тащили штанги в подвал, чтобы хоть как-то заработать. Я доверял ему. Как брату. Он знал все мои пароли, все ходы, все слабые места.

А потом он просто взял и вывел деньги. Тихо, аккуратно, как крыса. Он делал это два года, пока я занимался развитием, пока я ездил по стране, открывал новые точки. А он оставался в офисе и переводил бабло на офшоры. Когда я всё узнал, было поздно. Долги. Налоговые проверки. Угрозы банкротства.

Я продал всё, что мог. Квартиру в центре, машину, даже часы — те самые, «Патек Филипп», которые я носил двадцать лет. Осталась только одна квартира — та, где я живу сейчас. И клуб. Один. Маленький, в спальном районе, который дышит на ладан. Но я не сдаюсь. Потому что если я сдамся, то кто я? Просто старый хрен без гроша в кармане.

Я лечу в Париж на переговоры с инвесторами. Шанс — один на миллион. Французский фонд, который ищет перспективный актив в Восточной Европе. Я продал душу ради этой встречи. Я унижался, звонил старым связям, просил, хотя всегда брал сам. Но я должен. Должен.

Вчера я разговаривал с дочерью. Катя. Ей двадцать два. Она живёт в Питере, учится в аспирантуре, строит свою жизнь. Я почти не вижу её. После развода она выбрала мать. И правильно сделала.

— Пап, ты опять в этой гонке, — сказала она по телефону. Холодно. Равнодушно. — Тебе уже почти шестьдесят. Может, хватит?

— Кать, я не могу остановиться, — ответил я. — Я должен. Я тебе должен.

— Ты мне ничего не должен, — вздохнула она. — Ты должен был мне пятнадцать лет назад. Когда был рядом. А сейчас — уже поздно.

Она повесила трубку. А я сидел в пустой квартире и смотрел на свои руки. Сильные, жилистые, которые держали штангу, которая держала весь мир. И они дрожали. Впервые за много лет.

Я налил себе виски. Очень хотелось напиться. Но я не мог. Завтра переговоры. Я должен быть трезв, собран, сталь.

В аэропорту я прохожу через контроль, как автомат. Документы, билеты, досмотр. Я делаю это так часто, что могу с закрытыми глазами. Ко мне подходит юрист — молодой, нервный, всё время поправляет галстук.

— Константин Сергеевич, всё готово, — лепечет он. — Документы проверены, встречу подтвердили. У нас два часа на пересадку, бизнес-зал, я забронировал.

Я киваю. Мне плевать на бизнес-зал. Мне плевать на комфорт. Я устал так, что кости ноют, но я не показываю этого.

— Иди, — говорю я. — Я потом подойду.

Он уходит, а я остаюсь в огромном холле. Стою у витрины бутика, смотрю на дорогие вещи, которые больше не могу себе позволить. Там — костюм. Тысяч пятьсот. Раньше я купил бы его не глядя, просто потому что размер подошёл. Сейчас я пересчитываю каждую копейку.

Мой телефон вибрирует. Вадим. Тот самый. Мой "друг".

Я отвечаю. Срываюсь:

— Ты, паскуда, чего звонишь? Радуетесь?

— Кость, ты не прав, — говорит он мерзким, масляным голосом. — Мы же партнёры. Я просто оптимизировал расходы. Ты всё поймёшь, когда остынешь.

— Ты украл у меня двадцать лет жизни! — рычу я. — Я засажу тебя, Вадик. Слышишь? Я засажу!

Он смеётся. Смеётся в трубку, и у меня внутри всё переворачивается от злости. Я сжимаю телефон так, что пластик трещит.

— Кость, у тебя нет денег на адвокатов. У тебя вообще ничего нет. Ты — стареющий качок без гроша. Иди в зал, подыши, успокойся. Тебе полезно.

Он бросает трубку. Я стою, тяжело дыша. Люди оборачиваются на меня, шарахаются в сторону. Я, наверное, выгляжу как безумец — огромный, седой, с перекошенным лицом. Я беру себя в руки.

Я захожу в бизнес-зал, беру апельсиновый сок — не кофе, кофе бьёт по сердцу, врачи запретили. Сажусь в кресло, смотрю в окно. Дождь. Серость. Уныние. Всё как в моей жизни.

И вдруг я вижу Её.

Я смотрю в отражение витрины, и там — женщина. Сидит за столиком, пьёт кофе. Просто женщина. Красивая, ухоженная, с тёмными волосами и печальными глазами. Она смотрит в телефон, и лицо у неё такое, будто весь мир навалился на неё.

Она поднимает голову. Наши глаза встречаются.

Я застываю.

Внутри меня что-то щёлкает. Знакомое. Очень знакомое. Эти глаза — серые, с зелёным отливом, "ведьмины", как говорили парни в молодости. Эти скулы. Этот изгиб губ, который я видел когда-то, давно, на фотографии у Сашки в кошельке.

Дина. Диночка. Малявка.

Ёлки-палки. Это она.

Я смотрю на неё, и время останавливается. Тридцать лет назад. Дача. Жара. Река. И она — маленькая, худенькая, с бантом в волосах, краснеющая до корней волос, когда я называю её "малявкой". Она стояла в кустах малины и тайком подглядывала за мной. Я знал. Конечно, я знал. Я делал вид, что не замечаю. Но я видел её глаза — горящие, влюблённые, наивные.

Я был дураком. Она была ребёнком. Я не мог, не имел права. А она любила. По-настоящему. По-детски. Отчаянно.

Я опускаю телефон. Забываю о Вадиме, о долгах, о крахе. Я смотрю на неё. Она изменилась. Господи, как она изменилась. Хрупкая, но сильная. Красивая, но разбитая. Я вижу это — я всегда умел читать людей. Она страдает. Она одна. Она устала.

Я иду к ней.

Ноги несут сами. Я почти не контролирую себя. Это глупо, неправильно, но я не могу остановиться. Подхожу к её столику.

— Не может быть, — говорю я, и голос звучит хрипло. — Дина? Диночка... малявка?

Она поднимает на меня глаза. Серые, влажные, как небо перед дождём. Её лицо бледнеет. И вдруг я вижу это — она узнала меня. Тот же самый взгляд, что тридцать лет назад. Только теперь в нём нет детской наивности. Теперь — боль. И нежность? Не может быть.

— Костя, — шепчет она.

Я смотрю на неё. На её руки — тонкие, с длинными пальцами. На кольцо на безымянном пальце. Замужем. Конечно, замужем. Как могло быть иначе?

— Ты изменилась, — говорю я. — Сильно. Ты не малявка.

— Я знаю, — отвечает она, и в её голосе вдруг появляется сталь. — Я выросла, Костя. Ты опоздал на тридцать лет.

Я улыбаюсь. Криво, как умею. У меня всегда была эта дурацкая усмешка — вызывающая, чуть нахальная. Я не могу быть другим. Даже с ней. Даже сейчас, когда у меня внутри всё переворачивается.

— Я всегда опаздываю, — говорю я. — Привычка.

Она смотрит на меня, и я чувствую, как она колеблется. Я вижу — она борется с собой. Борется с тем, что я — последний человек, которого она должна видеть сейчас. Или первый.

— Как твоя жизнь? — спрашиваю я. — Как Сашка?

— Он в Майами. С женой-американкой, — отвечает она ровно. — А у меня... у меня всё нормально.

Она врёт. Я вижу это так же ясно, как солнце в безоблачном небе. Она врёт, чтобы не заплакать.

Я сажусь напротив неё. Не спрашивая разрешения. Просто сажусь.

— Ты врёшь, — говорю я. — Дина. Я знаю тебя. Ты не умеешь врать. Что случилось?

Она смотрит на меня. Её губы дрожат. Секунду она держится, а потом — это происходит. Я вижу, как в её глазах появляются слёзы. Она сдерживается, но я вижу.

Я хочу взять её за руку. Я хочу сказать: "Всё будет хорошо". Но я не имею права. У меня нет ни денег, ни будущего, ни даже права прикасаться к красивым женщинам с обручальными кольцами на пальцах. Я — старый, разбитый, почти банкрот. А она — идеальная, разбитая, но идеальная.

В динамике объявляют посадку на Париж.

— Нам туда же, — говорю я. — Места, кстати, рядом. Ты не против?

Она колеблется. Я вижу, как она борется с собой, как в голове у неё идёт война: она и она же, прошлая и настоящая, разумная и безумная.

— Конечно, — говорит она наконец. — Костя. Садись рядом.

Я встаю. Беру её чемодан, хотя она протестует. Несу к стойке. Чувствую на себе её взгляд. Она смотрит на меня, и я знаю — она вспоминает. Всё. Малину, реку, мою дурацкую футболку и её дневник, который я однажды нашёл в её комнате, но не прочитал. Я должен был прочитать. Если бы я знал тогда, что она чувствует...

Но я был дураком. Я был мальчишкой, которому казалось, что я всё могу. А теперь я просто старый разваливающийся железный человек, который боится, что этот полёт — его последний шанс.

Я оборачиваюсь к ней.

— Ты точно выросла, малявка, — говорю я.

И вижу её улыбку. Я готов отдать всё, что у меня осталось, чтобы эта улыбка не погасла. Даже если завтра я проснусь без гроша, в долгах, в развалинах.

Сегодня у меня есть она. Сегодня мы летим в Париж.

Глава 4. Столкновение. Терминал F

Дина. Настоящее время. Аэропорт.

Я не помню, как мы оказались в бизнес-зале. Кажется, он просто взял меня за локоть — легко, но властно, так, что у меня не возникло даже мысли сопротивляться — и повел за собой. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, и я почувствовала жар его кожи сквозь тонкую ткань блузки. Обычное прикосновение. Ничего особенного. Но внутри меня всё зазвенело, как колокол на ветру.

— Ты что-то пила? — спросил он, усаживая меня в кресло у окна. — Я закажу тебе чего-нибудь. Ты бледная.

— Я в порядке, — ответила я, хотя это была ложь. Я не была в порядке. Я сидела напротив мужчины, о котором мечтала тридцать лет назад, и чувствовала себя одновременно подростком и древней старухой, уставшей от жизни. — Костя, правда, не надо. Я просто...

— Ты просто не завтракала, — перебил он. — Я вижу. У тебя руки дрожат. И глаза красные. Ты не спала ночь.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он уже подозвал официантку и заказал что-то — чай с мятой, круассан, воду без газа. Голос у него был низкий, командный. Он привык распоряжаться. Я когда-то думала, что это сексуально. Сейчас я думала, что это просто — привычка.

— Откуда ты знаешь, что я не спала? — спросила я, когда официантка ушла.

Он усмехнулся. Та самая кривая усмешка, от которой у меня в четырнадцать лет подгибались колени.

— Дина, у меня сеть фитнес-клубов. Я видел тысячи людей. Я знаю, когда человек выжат, как лимон. Ты — выжата. — Он наклонился ко мне, и я почувствовала запах его одеколона. Дорогой, древесный, с горчинкой. — Что случилось, малявка?

— Не называй меня так, — резко сказала я. — Мне не четырнадцать.

— Я знаю, — ответил он, и его голос стал тише. — Я вижу. Ты выросла. И ты красивая. Чёрт, Дина, ты не представляешь, как я удивился, когда узнал тебя.

Я почувствовала, как краснею. И ненавидела себя за это. Тридцать лет прошло, а он всё так же действовал на меня. Взгляд, голос, даже то, как он сидел — расслабленно, но пружинисто, как зверь в засаде.

— Ты тоже изменился, — сказала я, чтобы сказать что-то. — Ты... старше. Но выглядишь хорошо.

— Спасибо, — усмехнулся он. — Это комплимент? Или ты просто хочешь сказать, что я старый?

— Ты не старый, — вырвалось у меня быстрее, чем я хотела. — Ты... брутальный. Как тогда. Только волосы седые.

Он провёл рукой по своим вискам, и я заметила, что пальцы у него — крупные, с тёмными короткими ногтями, и на безымянном пальце нет обручального кольца. Я почему-то сразу это отметила. И тут же себя одёрнула.

— А ты всё такая же искренняя, — сказал он. — Всегда говоришь, что думаешь. Помню, в тот день, когда мы приехали на дачу, ты вышла на крыльцо и сказала мне прямо в лицо: "Вы очень высокий. Это неудобно". А мне было смешно. Я думал: "Ну и чудная девчонка".

— Я помню тот день, — сказала я, и голос мой предательски дрогнул. — Ты приехал на старой "Волге" с Сашкой. Ты был в белой футболке. И ты облил меня водой из шланга, когда я вышла за ягодами.

— А ты разозлилась, — засмеялся он. — Помню. Ты топнула ногой и сказала: "Я взрослая, а вы меня как ребёнка!" Мне было смешно. И неловко. Ты краснела до кончиков ушей.

— Я была влюблена в тебя, Костя, — вдруг выпалила я, и сама испугалась своих слов. Я смотрела на него в упор, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Ты знал? Знал, да?

Он замолчал. Его лицо стало серьёзным. Он смотрел на меня, и я видела, как в его стальных глазах мелькает что-то — тень вины, тень сожаления.

— Знал, — сказал он тихо. — Я не мог не знать, Дин. Ты смотрела на меня так, что всё было написано на твоём лице. Но я... — он вздохнул и откинулся на спинку кресла. — Ты была ребёнком. Мне было двадцать девять. Я не мог. Я не хотел, чтобы ты страдала. Я думал, если буду делать вид, что ничего не замечаю, ты перерастёшь. Ты найдёшь себе мальчика своего возраста.

— Я нашла, — горько усмехнулась я. — Двадцати двух. Он был ничего. Потом я вышла замуж. За другого.

— И что случилось? — спросил он. — Что случилось с этим другим?

Я посмотрела в окно. Дождь всё ещё шёл. По стеклу стекали струйки воды, и мне казалось, что это мои слёзы, которые я не могу выплакать.

— Он изменяет мне, — сказала я, и слова вырвались легко, как будто я говорила о погоде. — Уже два года. С молодой сотрудницей. Ей двадцать пять. Я узнала случайно. И теперь мы разводимся.

В тишине, повисшей между нами, было слышно только гудение кондиционера и далёкий голос, объявляющий новый рейс. Константин смотрел на меня, и я видела, как его челюсти сжимаются, как на скулах появляются желваки. Он злился. За меня. Это было странное чувство — видеть его злость, направленную на другого мужчину.

— И ты это терпела? — спросил он. Голос стал жёстче. — Два года?

— Я не знала, Костя, — устало ответила я. — Мне казалось, что всё нормально. Что я просто устала. Что у нас кризис среднего возраста. Я думала, что смогу это пережить. А потом я увидела её фотографии. И поняла, что я просто... старая. Ненужная.

— Заткнись, — сказал он, и я вздрогнула от его тона. — Ты не старая. Ты не ненужная. Твоя внешность тут ни при чём. Дело в нём. Твой муж — мудака, который не ценит то, что имеет.

— Откуда ты знаешь? — усмехнулась я. — Ты не видел меня тридцать лет. Я могла стать дурой. Я могла стать стервой.

— Ты — Дина, — просто сказал он. — Ты не можешь быть стервой. Ты всегда была слишком честной для этого. Помнишь, ты однажды сказала Сашке в лицо, что он толстый? Он обиделся, а ты не поняла, почему. Ты просто сказала правду.

Я невольно улыбнулась. Это было правдой. Я всегда была прямая, иногда до жестокости. Сашка тогда действительно был толстым, и я сказала это, потому что переживала за его здоровье.

— Ты помнишь это? — спросила я удивлённо.

— Я помню почти всё, что связано с тобой, — сказал он тихо. — Ты думала, я не замечал? Я замечал. Я видел, как ты тайком смотришь на меня. Как ты краснеешь, когда я беру у тебя чашку. Я видел твой дневник.

Я замерла.

— Ты что?

— Ты оставила его на столе в беседке, — сказал он, и на его лице появилась виноватая улыбка. — Я не читал. Честно. Я просто увидел своё имя. Оно было написано цветными буквами. Ты нарисовала вокруг него цветы. Мне стало неловко. Я положил его обратно.

— Боже, — выдохнула я, закрывая лицо руками. — Это так стыдно. Я была дурочкой.

— Ты была девочкой, которая умела любить, — поправил он. — Не стыдись этого. Это самое лучшее, что было в тебе. И осталось.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня серьёзно, без улыбки. Я вдруг поняла, что он говорит это не для того, чтобы сделать мне приятно. Он говорит это потому, что это правда. Потому что он действительно так думает.

— А ты? — спросила я. — Ты был женат?

Он кивнул.

— Был. Пять лет назад развёлся. Я изменял жене. Много раз. Я думал, что это нормально — я же сильный, успешный, я могу иметь всё. А потом она узнала и ушла. И я остался один. — Он усмехнулся, но в этой усмешке была горечь. — Знаешь, что самое смешное? Я не хотел никого из них. Я просто искал... что-то. А нашёл пустоту.

— Ты жалеешь? — спросила я.

— О том, что изменял? Да. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Потому что я потерял семью. Потерял дочь. Катя со мной почти не общается. Я для неё — чужой. И это, — он прикоснулся к своей груди, — это болит сильнее, чем любые финансовые проблемы.

Он замолчал. Я видела, что ему тяжело говорить это. Константин — железный человек, владелец фитнес-клубов, мачо, который никогда не показывает слабости. Но здесь, передо мной, он был просто мужчиной, который ошибался. Которому было больно.

— Костя, — сказала я тихо. — Ты тоже изменился.

— В лучшую сторону? — усмехнулся он.

— В другую, — ответила я. — Ты стал... человечнее.

Он засмеялся. Громко, раскатисто, так, что официантка обернулась.

— Ты единственная, кто может сказать мне это в лицо, — сказал он, вытирая глаза. — Дина, ты не представляешь, как я рад, что встретил тебя. Здесь. Сейчас. Я чувствую себя... как в молодости. Как на той даче. Только мы оба постарели и наделали ошибок.

— Много ошибок, — кивнула я.

— И у нас ещё есть шанс их исправить? — спросил он, и в его голосе я услышала надежду. Эту дурацкую, мальчишескую надежду, которую я не чувствовала уже много лет.

Я не ответила. Я просто смотрела на него. На его седые виски, на его сильные руки, на его глаза, которые смотрели на меня так, как я хотела, чтобы он смотрел тридцать лет назад.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Или сломалось. Или, наоборот, встало на место.

— Костя, — сказала я. — У нас в самолёте будет много времени до посадки. Давай просто... поговорим. Ни о чём. Или обо всём. Пожалуйста.

Он улыбнулся. Мягко, почти нежно.

— Давай, — сказал он. — Я готов.

В самолёте мы сидели рядом. Я — у окна, он — в проходе. Какое-то время мы молчали. Я смотрела на облака, которые проплывали за иллюминатором, а он листал какие-то бумаги. Но я чувствовала его присутствие кожей — этот жар, который исходил от его тела, это дыхание, тихое, размеренное, как у спортсмена.

— Костя, — сказала я вдруг. — Ты знаешь, что я тебя ненавидела? После того лета. Я ненавидела тебя за то, что ты не обратил на меня внимания.

Он отложил бумаги.

— Знаю, — сказал он. — Я чувствовал. Сашка рассказывал, что ты даже не хотела говорить обо мне.

— Я вычеркнула тебя из жизни, — продолжала я. — Я придумала себе историю, что ты — подлец, который просто играл со мной. Хотя ты не играл. Ты даже не замечал.

— Я замечал, — повторил он. — Я просто боялся. Ты была слишком маленькой. А я... я был взрослым мужиком. Если бы я хоть как-то показал, что мне интересно, меня бы твой отец убил. И я бы себя убил. Я не хотел причинять тебе боль.

— А в итоге причинил, — сказала я. — Другой болью.

— Прости, — сказал он. И это было искренне. Я видела это по его глазам. — Если бы я знал, что мы встретимся через тридцать лет, я бы... я бы не уехал. Я бы остался. Я бы подождал, пока ты вырастешь. Я бы не стал жениться на той дуре.

— Ты не мог ждать, — улыбнулась я. — Это жизнь. Мы все делаем ошибки.

— Ты прощаешь меня? — спросил он.

Я посмотрела на него. Его глаза блестели в тусклом свете салона. Он ждал моего ответа.

— Я не знаю, — честно сказала я. — Я ещё не решила. Но я хочу узнать тебя заново, Костя. Настоящего. Не того бога, которого я придумала в детстве.

Он взял мою руку в свою. Нежно, но уверенно. Мои пальцы утонули в его ладони. Они были горячими, шершавыми, и я чувствовала, как бьётся его пульс.

— Я хочу, чтобы ты меня узнала, — сказал он. — Настоящего. Со всеми моими ошибками и проблемами. Я не бог. Я — мужик, который разорился, у которого нет денег и почти нет будущего. Но я могу быть тем, кто будет рядом. Если ты позволишь.

Я смотрела на него, и сердце мое колотилось так, что я боялась, что он услышит.

— У нас есть два часа, — сказала я. — Расскажи мне о себе. Всё.

И он рассказывал. О своих клубах, о партнёре-предателе, о том, как потерял всё, о дочери, которая не хочет его видеть. Он говорил откровенно, без прикрас, и я видела его уязвимость. Он был не железным человеком. Он был просто мужчиной, который делал вид, что сильный.

А я слушала. И понимала, что смотрю на него совсем по-другому. Не как девочка на бога. А как женщина на мужчину. Равного. Понимающего. Нужного.

В конце он спросил:

— А ты? Расскажи. Я хочу знать, какой ты стала.

И я начала рассказывать. О своей работе, о своих проектах, о том, как я строила дома для других и не смогла построить свой собственный. О муже, который ушёл к молодой. О том, как я ненавижу себя за то, что позволила этому случиться.

Когда самолёт начал снижаться, я почувствовала, что устала. Но эта усталость была другой — светлой, освобождающей. Впервые за долгое время мне не хотелось плакать.

— Дина, — сказал он, когда мы заходили на посадку. — Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно — я рад, что встретил тебя. Я не хочу тебя терять снова.

— Я тоже, — прошептала я.

И в этот момент я поняла, что мечта четырнадцатилетней девочки начинает сбываться. Но будет ли это счастьем? Я не знала.

Я знала только одно: он рядом. И я держу его за руку.

И не хочу отпускать.

Глава 5. Отель. Ошибка номера

Дина. Париж. Вечер.

Мы прилетели в Париж, когда город уже зажигал свои огни. Я смотрела в иллюминатор на Эйфелеву башню, которая мерцала золотом в сумерках, и думала о том, как иронична судьба. Я приехала в город любви, чтобы забыть о любви. А вместо этого привезла с собой самого опасного мужчину из моего прошлого.

Константин всю дорогу молчал. Мы вышли из самолёта, прошли паспортный контроль, забрали багаж. Он нёс мой чемодан, и я чувствовала себя маленькой девочкой, за которой ухаживает принц. Глупо. Мне сорок четыре. Я архитектор, строящий небоскрёбы. А тут — иду по аэропорту, смотрю на его широкую спину и чувствую, как внутри разливается тепло.

— Ты где остановилась? — спросил он, когда мы вышли на улицу. Парижский воздух был влажным, пахло дождём и жареными каштанами.

— В отеле "Ле Бристоль", — ответила я. — Там конференция. Я забронировала номер заранее, по почте.

Он усмехнулся.

— Серьёзно? Я тоже там. — Он остановился и посмотрел на меня. — Я снял номер на три дня. Переговоры завтра утром. Если я получу инвестиции, я останусь дольше.

— Если получишь, — сказала я. — А если нет?

— Если нет, — он пожал плечами. — Значит, вернусь в Москву и буду искать дальше. Но это уже не важно.

— Почему?

Он сделал шаг ближе. Мы стояли на тротуаре, люди обходили нас, а он смотрел так, будто мы одни в этом городе.

— Потому что я встретил тебя, — сказал он тихо. — Всё остальное — просто деньги. Ты — настоящее.

Я затаила дыхание. Его слова ударили куда-то в грудь, туда, где я прятала свою боль последние годы. Я не знала, что сказать. Я просто смотрела на него, на его седые виски, на его глаза, которые горели огнём.

— Поехали в отель, — прошептала я. — Пожалуйста.

В такси мы сидели рядом. Его бедро касалось моего, и я чувствовала это прикосновение сквозь ткань брюк. Я смотрела в окно на проплывающие улицы, на яркие витрины, на влюблённые пары, которые гуляли под дождём. Париж всегда был городом для влюблённых. Но я чувствовала себя предательницей. Я всё ещё была замужем. Я всё ещё носила кольцо на пальце.

Я сняла его незаметно, пока Константин расплачивался с таксистом. Сунула в карман пальто. Мне стало легче. Но стыд остался.

— Твой номер? — спросил он, когда мы зашли в холл отеля. Роскошный, старый, пахнущий дорогими духами и историей.

— Четыреста двенадцатый, — сказала я.

— А мой — четыреста тринадцатый, — усмехнулся он. — Соседи.

Я улыбнулась. Это было слишком. Слишком похоже на судьбу. Или на чей-то злой замысел.

— Тогда пока, — сказала я, беря ключ. — Увидимся завтра?

— Дина, — позвал он.

Я обернулась. Он стоял в двух шагах от меня. В холле никого не было. Только портье за стойкой делал вид, что не смотрит в нашу сторону.

— Я не хочу ждать завтра, — сказал он. — Я хочу... я хочу выпить с тобой. Поговорить. Просто поговорить. Ты не против?

Я колебалась. Моя комната ждала меня — прохладная, стерильная, безопасная. Там я могла закрыть дверь, лечь на кровать, заплакать, если нужно. Там я могла спрятаться от него. От нас. От всего, что происходило.

Но я не хотела прятаться.

— Я устала, — сказала я. — Я хочу принять душ. Давай через час? У меня в номере. Я закажу вино.

— Договорились, — сказал он, и я увидела, как его глаза загорелись. — Я приду.

Я стояла под душем двадцать минут, пытаюсь привести мысли в порядок. Горячая вода стекала по телу, смывая усталость полёта и дороги. Я смотрела на свои руки — они дрожали. Проклятая дрожь, которую я не могла контролировать.

Я вышла из душа, завернулась в халат. Мягкий, пушистый. Я смотрела на себя в большое венецианское зеркало. Мои волосы были мокрыми и тёмными, стекали по плечам. Лицо без макияжа — бледное, с кругами под глазами. Мне казалось, что я выгляжу уставшей. И старой.

Но внутри меня билось то же самое сердце, что и тридцать лет назад. Оно хотело его. Оно хотело этого безумия. Я снова была той девочкой, которая стояла в кустах малины и смотрела на обнажённого мужчину.

Я надела шёлковый халат — чёрный, глубокий вырез, подаренный подругой на прошлый день рождения. Я сказала себе, что это просто удобно. Но я знала, что это ложь.

Когда он постучал в дверь, у меня перехватило дыхание.

— Открыто, — сказала я.

Он вошёл. Переоделся в джинсы и белую рубашку, верхние пуговицы расстёгнуты. Я видела его грудь — загорелую, с лёгкой сединой в волосах. Он принёс бутылку красного вина и шоколад.

— Я подумал, что это подходит к настроению, — сказал он, кивая на вино.

— Ты не ошибся, — улыбнулась я.

Мы сели у окна. Панорамное стекло выходило на освещённую улицу. Внизу гуляли люди, сигналили машины, играла музыка. А мы сидели в тишине и смотрели друг на друга.

— Ты очень красивая сегодня, — сказал он. — Без макияжа. Настоящая.

— Ты тоже, — ответила я. — Ты всегда был красивым. Я просто боялась тебе это сказать.

— А сейчас не боишься?

— Сейчас я боюсь другого, — призналась я. — Я боюсь, что это будет ошибкой.

— Почему?

— Потому что, — я налила себе вино, сделала глоток. — Потому что я развожусь. Потому что я не готова. Потому что у тебя тоже всё сложно. Потому что...

— Потому что ты всё ещё думаешь о муже? — перебил он.

Я взглянула на него. В его глазах была ревность.

— Нет, — честно сказала я. — Я о нём не думаю. Я думаю о нас. О том, что мы слишком разные. Что мы слишком старые для игр.

— А если это не игра? — спросил он.

Он взял мою руку и прикоснулся к моим пальцам. Я вздрогнула. Его кожа была горячее, и я чувствовала, как он гладит меня — легко, почти невесомо, но так, что внутри меня всё закипало.

— Тогда это страшно, — прошептала я. — Это очень страшно.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Я боялся потерять бизнес, боялся нищеты, боялся смерти. А теперь я боюсь тебя. Потому что ты можешь разбить меня. Ты — единственная женщина, которая может это сделать.

— Я не хочу тебя разбивать, — выдохнула я.

— Тогда не бойся, — сказал он, и его голос стал низким, бархатным. — Просто позволь мне быть рядом. Сегодня. Сейчас.

Он придвинулся ко мне. Я чувствовала его дыхание на своей щеке. Запах вина и одеколона. И того, мужского, терпкого, от которого у меня кружилась голова.

— Поцелуй меня, — прошептала я. — Пожалуйста.

Он взял моё лицо в свои руки — грубо, но бережно, как хрупкую вещь. Его пальцы касались моей щеки, подбородка, я чувствовала тепло и лёгкую шершавость.

— Дина, — сказал он. — Ты не представляешь, как я ждал этого.

И он поцеловал меня.

Сначала нежно. Его губы касались моих — мягкие, горячие, чуть сухие. Я закрыла глаза и почувствовала, как внутри меня разливается жар. Я не дышала. Я просто чувствовала его. Его руки, которые гладили мою шею. Его дыхание, которое сбивалось так же, как и моё.

А потом поцелуй стал глубже. Он прижался ко мне, и я ощутила его тело — твёрдое, сильное, как в молодости. Я провела руками по его груди, сжала ткань рубашки, и он застонал — низко, гортанно, — от этого звука у меня подкосились колени.

— Боже, — прошептал он, отрываясь от меня. — Я так долго ждал. Ты думала, что я не замечал тебя тогда. Но я не мог думать ни о чём другом. Ты была запретной. Ты была слишком юной. Но я думал о тебе. Каждую ночь, когда уезжал с дачи. Я хотел тебя. Я ненавидел себя за это.

— Почему ты не приехал? — спросила я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. — Почему ты не вернулся?

— Потому что я был трусом, — ответил он. — И потому, что у меня было... у меня была женщина в городе. Я был с ней, когда думал о тебе. Это было подло. Я был подлецом.

— Я не хочу знать, — перебила я. — Не хочу вспоминать. Сегодня... сегодня есть только ты и я. Пожалуйста, Костя. Не уходи.

— Я не уйду, — сказал он. — Я больше никогда не уйду, если ты не прогонишь меня.

Он снова поцеловал меня. Жадно, властно, как в те ночи, когда я представляла его в своих мечтах. Я чувствовала себя девственницей, которая впервые узнаёт вкус мужчины. И в то же время — женщиной, которая знает, чего хочет.

Его руки скользили по моему телу через шёлк халата. Он провёл ладонями по моей груди, и я выгнулась от этого прикосновения.

— Хочешь? — прошептал он.

— Да, — выдохнула я. — Да, Костя. Возьми меня.

Он поднял меня на руки и понёс к кровати. Я обнимала его за шею, чувствуя, как его мышцы напрягаются под моими пальцами. Он опустил меня на прохладные простыни, навис сверху, развязывая пояс моего халата.

Я смотрела на него. На его седые виски, на его морщины у глаз, на его тело — сильное, мужское, стареющее, но такое желанное.

— Ты — моя мечта, — сказал он. — Ты всегда ею была. Просто я понял это слишком поздно.

— Теперь не поздно, — сказала я.

И он накрыл меня своим телом.

Мы целовались, и я чувствовала, как его руки исследуют каждую клеточку моего тела. Он знал, где прикоснуться, где поцеловать, чтобы я застонала. Он был опытным, но не грубым. Он был нежным, но властным.

Когда он вошёл в меня, я почувствовала, как время остановилось. Это было больше, чем секс. Это было возвращение к самой себе. К той Дине, которая когда-то верила в чудеса.

Я впилась пальцами в его спину, царапая кожу, и он застонал. Мы двигались в унисон, и казалось, что весь мир исчез. Остались только мы — мужчина и женщина, которые ждали этого тридцать лет.

— Не останавливайся, — прошептала я. — Пожалуйста.

Он взял моё лицо в свои руки.

— Смотри на меня, — сказал он хрипло. — Смотри, как я люблю тебя.

И я смотрела. Я видела его глаза — серые, стальные, с жёлтыми искрами. И в них было такое желание, такая нежность, что я сдалась.

Я кончила с криком, выгибаясь под ним. Он последовал за мной, зарываясь лицом в мои волосы, дрожа от напряжения.

Долгое время мы просто лежали, не в силах говорить. Его голова лежала у меня на груди, и я гладила его седые волосы. Его дыхание стало спокойным, ровным. Он был так близко, что я чувствовала, как бьётся его сердце.

— Костя, — прошептала я в тишину. — Я люблю тебя, — сказала я, и слёзы покатались по моим щекам. — Я всегда любила тебя. Я не переставала. Даже когда ненавидела.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Прости, что заставил тебя ждать, — сказал он. — Тридцать лет. Прости меня.

— Не извиняйся, — ответила я. — Ты здесь. И это главное.

Я провела рукой по его лицу. По морщинам, по щетине, по губам. Он целовал мои пальцы, мою ладонь, мою шею. И я чувствовала, что снова становлюсь целой.

Я была сломанной куклой. Но теперь у меня был человек, который готов был склеить мои осколки.

— Мы слишком стары для всего этого, — усмехнулась я сквозь слёзы.

— Мы как раз в правильном возрасте, — ответил он. — Мы знаем, чего хотим.

Он поцеловал меня в лоб.

— Спи, — сказал он. — Завтра у нас будет ещё один день.

— А послезавтра?

— Послезавтра мы решим, — улыбнулся он. — Вместе.

Я закрыла глаза. Я чувствовала тепло его тела, его дыхание на своей коже. Я впервые за долгие годы чувствовала себя в безопасности. Я не думала о муже. Я не думала о разводе. Я не думала о будущем.

Я просто была с ним в Париже.

Глава 6. Ночной рейс

Дина. Париж. Утро.

Я проснулась от света. Солнце пробивалось сквозь тяжёлые портьеры, рисуя золотые полосы на белых простынях. Я лежала неподвижно, боясь пошевелиться, боясь, что это сон, который рассеется, если я открою глаза.

Но он был рядом. Я чувствовала его тепло — его тело прижималось к моей спине, его рука лежала на моей талии, тяжелая, уверенная. Я чувствовала его дыхание на своей шее — ровное, спокойное, глубокое. Он спал. И я боялась разбудить его.

Я медленно повернула голову и посмотрела на него. Он лежал на животе, лицом ко мне, его рука всё ещё обнимала меня, как будто он боялся, что я исчезну. Я рассматривала его — седые виски, резкие морщины у глаз, жесткую линию челюсти, которая даже во сне сохраняла напряжение. Он выглядел старше, чем днём. И одновременно — моложе. Как мальчик, который устал быть сильным.

Я провела пальцем по его спине. Кожа была горячей, гладкой, с лёгкой щетиной на затылке. Я коснулась родинки на его левой лопатке, которую помнила ещё с того лета. Она была всё там же. Я улыбнулась. Какая-то часть меня осталась той девочкой, которая подглядывала за ним из малиновых кустов.

Он шевельнулся, и я замерла. Его рука сжала мою талию, притягивая ближе. Он что-то пробормотал во сне — я не разобрала, но голос был низким, хриплым.

— Костя? — прошептала я.

Он открыл глаза. Серые, сонные, но уже острые. Он посмотрел на меня, и я увидела, как его лицо меняется — от удивления к узнаванию, от узнавания к нежности. Он улыбнулся. Той самой кривой улыбкой, от которой у меня захватило дыхание.

— Ты здесь, — сказал он хрипло. — Я думал, мне приснилось.

— Не приснилось, — ответила я. — Я здесь.

Он притянул меня к себе, уткнулся носом в мои волосы. Глубоко вдохнул, как будто напоминал мой запах.

— Ты пахнешь мной, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты всегда так пахла. Только мной.

Я засмеялась. Звук вырвался неожиданно, лёгкий, почти девичий. Я не смеялась так давно, что забыла, как это звучит.

— Ты слишком самоуверен, Константин, — сказала я, но мой голос был полон тепла.

— Это не самоуверенность, — ответил он, поднимая голову и глядя мне в глаза. — Это знание. Я знаю, что ты моя. Ты всегда была моей, даже когда не была.

Он поцеловал меня. Медленно, лениво, как будто у нас была вечность. Я чувствовала его вкус — утренний, немного солёный, но родной. Я провела рукой по его груди, чувствуя, как бьётся сердце под моими пальцами.

— Костя, — прошептала я, когда он оторвался от моих губ. — Нам нужно поговорить.

— О чём? — спросил он, целуя мою шею.

— О нас, — я попыталась отстраниться, но его руки держали меня крепко. — О том, что будет дальше.

Он остановился и посмотрел на меня. Его глаза стали серьёзными.

— Что ты хочешь, чтобы было дальше? — спросил он.

Я молчала. Внутри меня боролись две женщины — одна хотела просто наслаждаться моментом, закрыть глаза и забыть обо всём. Другая — трезвая, взрослая — напоминала мне о реальности.

— У меня развод, — сказала я. — У меня бывший муж. У меня работа. У тебя тоже есть жизнь. Мы не можем просто...

— Просто что? — перебил он. — Просто быть вместе? Просто любить друг друга? Почему нет?

— Потому что это сложно, — я вздохнула. — Потому что мы не в фильме. У нас есть обязательства. У нас есть прошлое. Мы оба наделали ошибок. Мы не можем просто взять и забыть обо всём.

Он приподнялся на локте, глядя на меня сверху. Его лицо было серьёзным, но я видела в его глазах что-то — боль, страх, надежду.

— Дина, — сказал он тихо. — Я не хочу, чтобы ты думала о сложностях. Я хочу, чтобы ты просто была со мной. Сейчас. Завтра. Всегда. Я не говорю, что у нас не будет проблем. Будут. У нас будут ссоры, споры, кризисы. Я знаю себя. Я упрямый, вспыльчивый, старый дурак. И ты тоже — у тебя характер, я помню. Мы будем ненавидеть друг друга иногда.

— Звучит заманчиво, — усмехнулась я.

— Но я знаю одно, — продолжал он. — Я не хочу просыпаться без тебя. Я не хочу больше терять тебя. Тридцать лет я был идиотом. Я не хочу быть идиотом ещё тридцать лет.

Я смотрела на него. На его морщины, на его седые волосы, на его глаза, полные такой искренности, что у меня сжималось сердце.

— Ты меня пугаешь, — призналась я.

— Почему?

— Потому что я верю тебе, — сказала я. — Я верю каждому слову. И это страшно. Потому что, если я поверю, а ты уйдёшь, я не переживу этого. Я уже разбита, Костя. Ты не представляешь, как я разбита. Я не выдержу ещё одного удара.

Он взял моё лицо в свои руки, заставляя меня смотреть ему в глаза.

— Я не уйду, — сказал он твёрдо. — Я обещаю тебе. Я не уйду, даже если ты прогонишь меня. Я буду стоять под твоими окнами, как мальчишка. Я буду ждать. Я буду просить. Я сделаю всё, чтобы ты была моей. Ты слышишь?

Я кивнула. Слёзы текли по моим щекам, и я не пыталась их сдерживать. Я плакала впервые за долгие месяцы — по-настоящему, навзрыд, как ребёнок.

— Я люблю тебя, — сказала я сквозь слёзы. — Я всегда любила тебя. Даже когда думала, что ненавижу. Ты был внутри меня всё это время. Ты — часть меня.

— Я знаю, — сказал он, вытирая мои слёзы большим пальцем. — Я тоже люблю тебя. Я не говорил этого никому уже много лет. Но тебе говорю. Я люблю тебя, Дина. Я люблю тебя, как в двадцать девять. Сильнее, чем тогда.

Он поцеловал мои мокрые щёки, мой лоб, мои глаза. Его губы были мягкими, нежными. Я чувствовала его дыхание, его любовь, его боль.

— Когда ты должна быть на конференции? — спросил он вдруг.

— В десять, — ответила я.

— У нас есть три часа, — сказал он с улыбкой. — Три часа, чтобы любить друг друга.

Он снова поцеловал меня, и я забыла обо всём. О разводе, о муже, о конференции, о мире за окном. Я была только с ним, в его объятиях, в его постели.

Мы занимались любовью медленно. Это было не то безумство ночи — это было что-то другое. Я чувствовала каждое его прикосновение, каждое движение, каждое дыхание. Он был нежен, но властен. Он брал меня так, как будто я была его собственностью. И я хотела этого.

— Костя, — прошептала я, когда он вошёл в меня.

— Я знаю, — ответил он. — Я тоже чувствую.

Мы двигались в ритме, который знали только мы. Его руки гладили моё тело, его губы целовали мои плечи, мою грудь, мои губы. Я чувствовала, как он сжимает мои бёдра, притягивая ближе, глубже. Я слышала его стоны, смешанные с моими.

Я кончила, чувствуя, как его тело дрожит. Он последовал за мной, уткнувшись лицом в мою шею, выдыхая моё имя.

— Дина, — выдохнул он. — Боже, Дина.

Я гладила его спину, чувствуя, как он расслабляется. Мы лежали в тишине, слушая, как за окном просыпается Париж.

— Костя, — сказала я. — У меня конференция, — напомнила я. — Мне нужно идти.

Он поднял голову и посмотрел на меня с улыбкой.

— Иди, — сказал он. — Я подожду тебя.

— А твои переговоры? — спросила я.

— В два часа, — ответил он. — Я уложусь.

Я встала с кровати, натягивая халат. Он следил за мной глазами, и я чувствовала его взгляд на своём теле. Я обернулась и улыбнулась.

— Ты так смотришь, будто видишь меня впервые, — сказала я.

— Каждый раз, когда я вижу тебя, я вижу тебя впервые, — ответил он. — И каждый раз я влюбляюсь снова.

Я подошла к нему и поцеловала в губы, коротко, но горячо.

— Я вернусь к пяти, — сказала я. — Жди меня.

— Буду ждать, — ответил он. — Вечность, если понадобится.

Я ушла в ванную, закрыв за собой дверь. Я стояла у раковины, смотрела на себя в зеркало — раскрасневшуюся, счастливую, с глазами, которые сияли. Я не видела себя такой уже много лет.

Я была женщиной, которую любили. По-настоящему. Искренне. Отчаянно.

Я закрыла глаза и прошептала:

— Спасибо. Спасибо за этот день. За эту ночь. За него.

Я не знала, что будет дальше. Я не знала, как мы будем жить, как мы будем любить друг друга среди наших проблем, наших ран, наших неудач.

Но я знала одно — я хочу попробовать.

Я хочу быть с ним.

Он ждал меня у двери, когда я вышла из ванной. Уже одетый, в джинсы и рубашку, с чашкой кофе в руках. Он протянул мне вторую чашку.

— Ты не завтракала, — сказал он. — Я заказал тебе круассан и сок.

Я взяла чашку. Моя рука дрожала — от переполняющих эмоций, от усталости, от счастья.

— Спасибо, — прошептала я.

— Я провожу тебя, — сказал он.

— Не нужно, — ответила я. — Я найду дорогу.

— Я провожу, — повторил он твёрдо. — Не спорь.

Я не спорила. Он взял меня за руку, и мы вышли из номера. По коридору, в лифте, через холл — он не отпускал мою руку. Я чувствовала его пальцы, переплетённые с моими, и внутри меня разливалось тепло.

На улице нас встретил прохладный утренний Париж. Солнце уже поднялось, освещая золотом старые здания, уличные кафе, людей, которые спешили по своим делам.

— Удачи на переговорах, — сказала я.

— Удачи на конференции, — ответил он.

Он отпустил мою руку. Но перед тем, как я сделала шаг, он схватил меня за талию и притянул к себе. Поцеловал. Горячо, глубоко, так, что я забыла, где я.

Когда он отпустил меня, все вокруг смотрели на нас — улыбаясь, одобрительно. Парижане любят влюблённых. И мы были влюблены.

— Я люблю тебя, — сказал он громко, чтобы слышали все.

— Я тоже, — ответила я, чувствуя, как краснею.

Я развернулась и пошла. Чувствовала его взгляд на своей спине. Оглянулась — он стоял, улыбался.

— Не опаздывай! — крикнул он.

— Не буду! — ответила я.

Я шла по парижским улочкам, и мне казалось, что я лечу. Внутри меня пела какая-то птица, которую я думала, что убила много лет назад. Но она была жива. Она пела. И она пела о нём.

Я знала, что это начало. Или конец. Я не знала.

Но я была готова.

Готова ко всему.

Глава 7. Первый поцелуй за 30 лет

Дина. Париж. Номер Константина.

Я не знаю, как я оказалась здесь.

Кажется, я просто шла по коридору после конференции к себе, а потом остановилась у его двери. Четыреста тринадцатый. Я весь день думала о том, правильно ли я поступаю. А сейчас я стояла и смотрела на номер, выгравированный на золотой табличке, и внутри меня всё дрожало. Мне нужно было просто пройти мимо. Зайти к себе. Принять душ. Лечь спать. Забыть о том, что произошло в самолёте, о его глазах, о его руках, о его голосе, который звучал в моей голове как навязчивая мелодия.

Но я не прошла мимо.

Я постучала.

Дверь открылась почти сразу, как будто он ждал меня. Стоял на пороге — босиком, в расстёгнутой рубашке, с мокрыми волосами после душа. Капли воды стекали по его шее, исчезали за воротником. Он смотрел на меня, и в его глазах я читала удивление, надежду, голод.

— Дина, — сказал он хрипло. — Ты передумала?

— Я не знаю, — ответила я, и мой голос звучал чуждо, хрупко. — Я не знаю, зачем я здесь.

— Ты знаешь, — сказал он. — Ты всегда знала.

Он отошёл в сторону, пропуская меня. Я переступила порог, и дверь за мной закрылась с тихим шелчком. Этот звук был как приговор. Я сделала шаг, и он сделал шаг навстречу. Между нами оставалось полметра. Я чувствовала его тепло, его запах — тот самый, древесный и терпкий, который преследовал меня тридцать лет.

— Зачем ты пришла? — спросил он, и голос его был тихим, опасным.

Я подняла на него глаза. Он стоял близко, очень близко. Я видела каждую морщинку у его глаз, каждую седую прядь на висках, каждое биение пульса на его шее.

— Я хочу, чтобы ты меня поцеловал, — выдохнула я. — Как тогда, когда я мечтала. Как я представляла себе сотни раз. Я хочу знать, каково это — когда ты видишь меня. Настоящую. Не девочку.

Он смотрел на меня долгую секунду. В его стальных глазах мелькнула боль, нежность, что-то дикое, звериное.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — честно ответила я. — Но я хочу этого.

— Я тоже, — сказал он. — Я хочу этого тридцать лет.

Он сделал шаг ко мне. Его руки легли на мои плечи — тяжёлые, горячие. Я чувствовала, как они дрожат. Такой сильный, такой железный человек — и он дрожал.

— Дина, — прошептал он. — Если я сейчас поцелую тебя, я не смогу остановиться.

— Я знаю, — ответила я.

И он поцеловал меня.

Это не было нежным поцелуем. Это была жадность. Собственничество. Голод, который копился десятилетиями. Его губы впились в мои, жёстко, требовательно, как будто он хотел взять меня всю, сразу, без остатка. Я чувствовала его руки — они сжали мои плечи, притянули к себе так сильно, что у меня перехватило дыхание. Я слышала его стон — низкий, гортанный, вырвавшийся из самой глубины его груди.

И я таяла в его руках. Я чувствовала его язык, его зубы, его дыхание. Он целовал меня так, как я мечтала в свои четырнадцать, как я представляла в долгие одинокие ночи, когда Максим не приходил домой. Он целовал меня так, как будто хотел выпить меня до дна.

Я чувствовала, как его руки скользят по моей спине, как он прижимает меня к себе, как я ощущаю его возбуждение через тонкую ткань моего платья. Я была в его власти, и я не хотела вырываться.

Но вдруг я увидела лицо Максима. Мелькнуло перед глазами, как молния. Его улыбка в день нашей свадьбы, когда он клялся, что будет любить меня вечно. Его руки, которые когда-то гладили мои волосы. Его измена. Её смех. Её молодое тело на его постели.

Меня захлестнула тошнота. Я резко оттолкнула Константина, ударив ладонями в его грудь, и он отшатнулся, сбитый с толку.

— Нет! — закричала я. — Нет, Костя, остановись!

Он замер. Его глаза были затуманены желанием, но в них уже проступало понимание, тревога.

— Что случилось? — спросил он хрипло. — Дина, что?

Я отступила на шаг, потом на другой. Я дрожала всем телом. Губы горели от его поцелуя. Я провела рукой по лицу, пытаясь прийти в себя.

— Я не могу, — выдохнула я. — Я не могу так. Я... я замужем. Я не могу целовать тебя, когда я всё ещё жена другого мужчины. Даже если он предал меня.

— Дина, — сказал он, делая шаг ко мне. — Ты сама сказала, что вы разводитесь.

— Но мы ещё не развелись! — крикнула я. — Ты понимаешь? Кольцо всё ещё на моём пальце. Я всё ещё его жена. И если я сейчас вновь сделаю это, я стану такой же, как он. Я стану изменщицей. Я стану той, кого презираю.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах гаснет страсть, уступая место боли и гневу.

— Ты думаешь, он заслуживает твоей верности? — спросил он. — Ты думаешь, он хранил тебе верность, когда трахал свою двадцатипятилетнюю секретаршу у тебя за спиной? Ты думаешь, он думал о твоём кольце, когда снимал с неё трусы?

Каждое его слово было как пощёчина. Я знала, что он прав. Я знала, что Максим не заслуживает моего благородства. Но внутри меня жила та самая девочка, которая верила в честность, в принципы, в то, что я не должна опускаться до их уровня.

— Не говори так, — прошептала я. — Не делай из меня такую же, как они.

— Ты не такая, — сказал он. — Ты никогда не была такой. Ты — женщина, которая ждала тридцать лет, чтобы поцеловать мужчину. И этот мужчина — я. Не он. Не твой муж-предатель. Я. Тот, кто любил тебя всё это время.

— Ты не любил меня! — выкрикнула я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. — Ты не замечал меня! Ты называл меня малявкой и трепал по голове, как собачонку! Ты не приехал, не позвонил, не написал ни разу за тридцать лет! Ты забыл меня!

— Я не забыл! — закричал он в ответ. — Ты думаешь, я забыл? Я каждое лето приезжал на ту дачу, надеясь увидеть тебя. Я знал, что ты уже выросла, что ты уже не девочка. Но тебя не было. Сашка говорил, что ты уехала учиться, потом вышла замуж. Я ненавидел себя за то, что не сказал тебе тогда ничего. Но я был трусом! Ты думаешь, я не хотел приехать? Я хотел! Каждый грёбаный день я хотел!

— Тогда почему не приехал?! — зарыдала я.

— Потому что я был женат! — закричал он. — Я был женат, и у меня была дочь. Ты думаешь, я мог бросить их ради девочки, которая только что закончила школу? Я был взрослым мужиком, Дина. У меня были обязательства. Я не мог просто взять и разрушить свою семью ради иллюзии.

— Иллюзии? — переспросила я. — Я была для тебя иллюзией?

Он замолчал. Его лицо исказилось болью. Он подошёл ко мне, взял мои руки в свои. Я чувствовала, как они дрожат — его пальцы сжимали мои ладони так сильно, что мне было больно.

— Ты никогда не была иллюзией, — сказал он тихо. — Ты была мечтой. И я не верил, что мечты сбываются. Я думал, что ты — просто моя фантазия. Что реальная Дина, взрослая, настоящая, никогда не посмотрит на меня. Что я слишком старый. Что я слишком грязный. Что у меня нет права хотеть тебя.

— Но сейчас ты здесь, — прошептала я. — Ты хочешь меня. Ты целуешь меня. А я... я люблю тебя. Я всегда любила тебя, Костя. Но я боюсь. Я боюсь, что если я сейчас сделаю этот шаг, я потеряю себя. Я стану чужой. Я не узнаю себя в зеркале.

Он притянул меня к себе. Я упёрлась ладонями в его грудь, чувствуя, как бьётся его сердце. Он смотрел на меня сверху, и его глаза были серьёзны.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Ты не станешь чужой, — сказал он. — Ты станешь собой. Настоящей. Той, которую ты прятала все эти годы. Ты не разрушаешь свой брак. Твой муж уже разрушил его. Ты просто забираешь свою жизнь обратно. Ты имеешь право быть счастливой. Ты имеешь право любить меня.

Он провёл большим пальцем по моей щеке, стирая слезы.

— Дина, — сказал он. — Ты хочешь быть со мной?

— Да, — выдохнула я.

— Тогда позволь мне сделать это. Позволь мне доказать тебе, что ты не совершаешь ошибку. Я не идеален. Я сделал много плохих вещей. Я изменял, я врал, я был подлецом. Но я никогда не буду подлецом с тобой. Ты — моя чистота. Ты — моё прощение.

Я смотрела на него. На его седые волосы, на его морщины, на его глаза, полные такой искренности, такой боли, такой любви, что я не могла дышать.

— Костя, — прошептала я. — Я боюсь.

— Я тоже, — сказал он. — Но мы вместе. Мы справимся.

И он снова поцеловал меня. Но теперь это было не жадное, звериное желание. Это было обещание. Он целовал меня медленно, глубоко, чувствуя каждый миг.

Я больше не отталкивала его. Я позволила себе утонуть в его объятиях. Я позволила себе быть слабой. Я позволила себе быть той самой девочкой, которая ждала этого поцелуя всю свою жизнь.

Он подхватил меня на руки и понёс к кровати. Я обнимала его за шею, чувствуя, как его мышцы напряжены, как бьётся его сердце. Он опустил меня на прохладные простыни и навис надо мной, глядя в мои глаза.

— Я хочу тебя, — сказал он. — Ты знаешь это?

— Я тоже, — ответила я.

Он целовал мои плечи, мою шею, мои ключицы. Его руки скользили по моему телу, развязывая узел халата, открывая меня ему. Я чувствовала его дыхание на своей коже, его прикосновения, которые зажигали меня изнутри.

Он смотрел на меня. Всю. От макушки до пят.

— Ты идеальная, — сказал он. — Ты была идеальной тогда. Ты идеальна сейчас.

— Я старая, — прошептала я. — У меня морщины.

— Твои морщины — это твоя жизнь, — сказал он. — Каждая из них — это то, что ты пережила. Я хочу знать каждую.

Он поцеловал уголки моих глаз, мои губы, мою шею, спускаясь всё ниже. Я чувствовала, как его язык касается моей кожи, как его руки гладят мои бёдра, мои колени, мою грудь.

Я забыла о муже. Я забыла о боли. Я забыла о том, что было вчера.

Я была только с ним.

И в этот момент я поняла, что совершаю измену.

Но я перестала чувствовать вину.

Я почувствовала только любовь.

Жгучую, безумную, запретную.

И я хотела её.

Я хотела его.

Всего.

Без остатка.

— Возьми меня, — прошептала я. — Костя, возьми меня. Пожалуйста.

Он подчинился.

И я сдалась.

Мы лежали в темноте. За окном шумел Париж, но мы слышали только дыхание друг друга.

Он обнял меня, прижимая к своей груди. Я чувствовала его сердце — оно билось ровно, спокойно, как будто нашло наконец свой ритм.

— Что мы будем делать завтра? — спросила я.

— Завтра мы будем жить, — ответил он. — Просто жить. Вместе.

— А послезавтра?

— А послезавтра мы решим. Но сегодня, сейчас, мы просто есть. Мы есть друг у друга.

Я закрыла глаза. Я чувствовала его тепло, его запах, его любовь.

Глава 8. Срыв

Дина. Париж. Ночь. Номер 412.

Я сбежала.

Я просто встала с его кровати, когда он уснул. Он лежал на животе, его лицо было ослабленным, беззащитным. Он выглядел почти мальчишкой — этот седой, морщинистый мужчина, который только что любил меня так, как не любил никто и никогда. Я смотрела на него несколько секунд, и внутри меня всё разрывалось на части. Я хотела остаться. Я хотела лечь рядом, прижаться к его спине, чувствовать его тепло, его дыхание.

Но я не могла.

Я натянула халат, который валялся на полу, и выскользнула за дверь. Босиком. Я оставила туфли в его номере. Мне было всё равно.

Коридор был пустым, тихим. Дорогие ковры глушили шаги. Я шла к своему номеру, и каждый шаг был как удар по сердцу. Четыреста двенадцатый. Я открыла дверь дрожащими руками. Вошла. Заперлась.

Тишина оглушила меня. Номер был стерильным, прохладным, безжизненным. Мои вещи лежали аккуратно на кресле — я даже не распаковала их. Чемодан стоял у стены, закрытый, как будто я не собиралась здесь оставаться.

Я упала на кровать лицом в подушку и закричала. Я била кулаками по матрасу, рыдала, задыхалась. Я ненавидела себя. Ненавидела его. Ненавидела весь мир.

— Ты дура, — шептала я. — Ты глупая, старая дура.

Я села на кровати, обхватив колени руками. Мои волосы спутались, халат распахнулся. Я смотрела на свои руки — они дрожали. Моё тело всё ещё помнило его прикосновения. Мои губы всё ещё горели от его поцелуев. Моя кожа хранила запах его одеколона, его пота, его желания.

Я провела рукой по своей груди, по животу, по бёдрам. Мои пальцы касались тех мест, где только что были его руки. Я закрыла глаза и увидела его. Его лицо. Его серые глаза. Его губы, которые шептали моё имя.

Я ненавидела себя за то, что хотела его.

Я ненавидела себя за то, что моё тело требовало его.

Я ненавидела себя за то, что я всё ещё чувствовала его внутри себя.

Мои пальцы скользнули ниже. Я коснулась себя, и внутри меня всё сжалось. Я застонала — низко, сдавленно. Я представляла, что это он. Его руки. Его губы. Его голос, который говорил мне, что я красивая, что я желанная, что я его.

— Костя, — выдохнула я в тишину.

Я мастурбировала, чувствуя, как внутри меня нарастает напряжение. Я двигала пальцами быстрее, представляя, как он смотрит на меня, как он берёт меня, как он входит в меня. Я кончила с криком, выгибаясь на кровати. И сразу после этого меня захлестнула волна стыда. Такого острого, такого едкого, что я свернулась калачиком и зарыдала. Так я поступала уже несколько месяцев после того, как мой муж перестал прикасаться ко мне.

— Что я делаю? — шептала я. — Что я делаю с собой?

Да, Максим предал меня. Да, он разрушил наш брак. Но я не хотела быть такой, как он. Я не хотела изменять, прятаться, врать. Я не хотела становиться грязной.

Но я уже была грязной. Я уже изменила. Я уже предала свои принципы, свою честь, свою гордость. Я позволила ему взять меня. И я хотела этого. Боже, как я хотела этого.

Я ненавидела Константина за то, что он сделал меня слабой. Я ненавидела себя за то, что позволила ему это сделать.

Я встала с кровати, подошла к мини-бару. Взяла маленькую бутылочку виски. Открыла. Выпила залпом, не чувствуя вкуса. Потом ещё одну. И ещё.

Алкоголь обжёг горло, разлился теплом по телу. Мне стало легче. Ненамного. Но легче.

Я смотрела на своё отражение в большом зеркале напротив кровати. Растрёпанная, с красными глазами, в распахнутом халате. Уставшая. Сломанная. Я видела в этом отражении женщину, которую не узнавала. И мне было страшно.

Я отвернулась и взяла телефон. Экран загорелся, и я увидела уведомления. Сообщения от Максима. Три пропущенных вызова.

Моё сердце замерло.

Я открыла сообщения.

"Дина, я звонил. Мы должны поговорить. Я не хочу затягивать. Давай решим всё по-человечески. Развод — это неизбежно. Нам нужно подписать бумаги. Я пришлю тебе документы по почте, если ты не против. Мне жаль, что так вышло. Но я уже сделал свой выбор. Надеюсь, ты поймёшь".

Я читала эти строки, и внутри меня всё холодело. Он говорил о разводе, как о деловой сделке. Без эмоций. Без сожаления. Без боли. Он просто сообщал мне, что наша жизнь закончена.

А потом я открыла фотографию.

Он. Его любовница. Они сидят в ресторане, который я выбрала для нашего десятилетнего юбилея. Он обнимает её за талию. Она смеётся, запрокинув голову. Она молодая, красивая, с идеальными волосами и идеальной улыбкой. Она держит в руках бокал шампанского. На её пальце — кольцо.

Я увеличила фотографию. Кольцо. Помолвочное. С большим бриллиантом, который я узнала бы где угодно. Он подарил ей моё кольцо? Нет. Он купил новое. Он купил ей кольцо. Он собирается жениться на ней.

Мир перестал существовать.

Я смотрела на эту фотографию, и внутри меня что-то умерло. Окончательно. Бесповоротно.

Я выронила телефон. Он упал на ковёр, экран треснул. Мне было всё равно.

Я стояла посреди номера, голая, пьяная, разбитая. И я рыдала. Не тихо, не сдержанно. Я рыдала в голос, как ребёнок, как животное, которое потеряло всё.

— За что? — кричала я в пустоту. — За что, Максим?! Я любила тебя! Я была с тобой пятнадцать лет! Пятнадцать лет я была хорошей женой! Я заботилась о тебе, я готовила, я стирала, я строила нашу жизнь! А ты выбрал её?! Ты выбрал молодую шлюху?!

Я ударила кулаком по стене. Боль пронзила руку, но я не остановилась. Я била по стене снова и снова, пока костяшки не покрылись кровью.

— Ненавижу тебя! — кричала я. — Ненавижу! Ненавижу!

Я упала на колени, обхватив себя руками. Меня трясло. Всё внутри меня кричало от боли. Я вспоминала нашу свадьбу. Максим был таким нежным тогда. Он клялся, что будет любить меня вечно. Он говорил, что я — его счастье, его вдохновение, его жизнь.

А теперь он смотрел на другую. Он целовал другую. Он дарил кольца другой.

Я была ничем. Пустым местом. Старой тряпкой, которую выбросили на помойку.

Я посмотрела на свою правую руку. Обручальное кольцо. Я носила его пятнадцать лет. Оно было частью меня. Символом того, что я кому-то нужна, что я чья-то жена, чья-то женщина.

Я сорвала его с пальца. Резко, больно, сдирая кожу. Кольцо упало на пол и покатилося под кровать.

Я смотрела на свою руку. Бледная полоска на пальце. Пустота. И свобода.

Но свобода не принесла облегчения. Она принесла только пустоту. Такую огромную, такую бездонную, что я проваливалась в неё с головой.

Я сидела на полу, обняв колени, и плакала. Слезы текли по щекам, смешиваясь с потом и тушью, которую я не смыла. Я была уродлива. Я была жалка. Я была никем.

А потом я вспомнила его.

Константина.

Он был там, в соседнем номере. Он спал. Он не знал, что я сбежала. Он не знал, что я плачу. Он не знал, что мой муж прислал мне фотографию своей новой невесты.

Я хотела побежать к нему. Упасть в его объятия. Рассказать ему всё. Позволить ему утешить меня, поцеловать, взять.

Но я не могла.

Я не имела права.

Я была слишком разбита, чтобы принимать решения. Я была слишком грязной, чтобы прикасаться к нему. Он был моей мечтой. А я — просто женщиной, которая разрушила свою жизнь по кусочкам.

Я смотрела на дверь, за которой был он. Я чувствовала его присутствие через стену. Я знала, что, если я сейчас встану и пойду к нему, я сломаюсь окончательно. Я стану зависимой от него. Я потеряю себя.

Но я уже потеряла себя.

Я уже была никем.

Я закрыла глаза и заплакала снова. Уже без криков. Просто тихо, беззвучно, как умирающее животное.

Я чувствовала, как внутри меня умирает надежда. Та самая маленькая девочка с бантом, которая верила, что когда-нибудь её принц придёт и спасёт её. Она умерла сегодня.

И я осталась одна.

С разбитым телефоном, с кольцом под кроватью, с кровью на костяшках.

С пустотой внутри.

Я не знала, сколько времени я просидела так. Час. Два. Я потеряла счёт.

Телефон на полу завибрировал. Я не хотела смотреть. Но я взяла его.

Ещё одно сообщение. От Константина.

"Дина, ты ушла. Я проснулся, а тебя нет. Это больно. Но я понимаю. Ты не готова. Я буду ждать. Сколько нужно. Просто знай — я здесь. Я всегда здесь. Ты не одна. Я люблю тебя. Костя".

Я прочитала эти строки, и внутри меня что-то дрогнуло. Живое. Настоящее. Он писал мне. Он искал меня. Он ждал меня.

Я хотела ответить. Написать ему: "Я тоже тебя люблю. Прости меня. Приди ко мне".

Но мои пальцы не двигались. Я смотрела на экран, чувствуя, как слёзы снова застилают глаза.

Вместо ответа я выключила телефон. Положила его на пол. И легла на холодный ковёр, глядя в потолок.

Я была разбита.

Но где-то глубоко внутри, в той части меня, которая всё ещё боролась за жизнь, теплилась маленькая искра. Она говорила мне: "Встань. Ты справишься. Ты выживешь".

Я не знала, сколько у меня сил.

Я не знала, что будет завтра.

Я знала только одно: я больше не хочу быть одна.

Но я боялась просить о помощи.

Я боялась, что он увидит меня такой — жалкой, разбитой, ничтожной.

Я боялась, что он разлюбит меня.

И я предпочла одиночество.

Потому что одиночество — это безопасно.

Потому что одиночество не может предать.

В темноте номера я закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон. В пустоту. В забытие.

Я не знала, что проснусь снова.

Но я знала, что, когда проснусь, мне придётся жить дальше.

Даже если внутри меня всё умерло.

За стеной, в номере 413, Константин стоял у двери, прижавшись лбом к дереву. Он слышал её рыдания сквозь перекрытия. Он знал, что она плачет. Он хотел ворваться к ней. Обнять. Сказать, что всё будет хорошо.

Но он не решался.

Потому что он тоже боялся.

Он боялся, что она прогонит его.

Он боялся, что она слишком сломана, чтобы любить.

Он боялся, что потеряет её снова.

И он просто стоял там, в темноте, слушая, как его женщина плачет в одиночестве.

И молил Бога, чтобы утром она дала ему шанс.

Хотя он не верил в Бога уже много лет.

Но ради неё он был готов поверить во что угодно.

Глава 9. Примитивный инстинкт

Константин. Париж. Ночь. Коридор между 412 и 413.

Я не мог уснуть.

Я лежал в темноте, смотрел в потолок и чувствовал холод на той стороне кровати, где только что лежала она. Простыни хранили её запах — цветочный, нежный, такой родной. Я вдыхал его, и внутри меня всё переворачивалось.

Она ушла.

Я проснулся от того, что моя рука искала её тело, а нашла только пустоту. Я сел в кровати, огляделся. Её халат исчез. Только смятая подушка и запах её духов на моей коже напоминали, что это не сон.

Я хотел пойти за ней. Я уже встал, натянул джинсы, но остановился у двери. Я не знал, что ей сказать. "Вернись"? "Останься"? "Прости меня, если я сделал что-то не так"? Я был взрослым мужчиной, почти шестидесятилетним, а чувствовал себя мальчишкой, который боится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.